

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 82.09 (470.6)

К. К. Бауаев

ВЫРАЗИТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭПИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Рассматриваются некоторые моменты своеобразности выразительных средств общекавказского эпоса «Нарты» в его различных национальных версиях. Констатируется связь между идеологической онтологией эпических сводов, реалиями исторического прошлого этносов-носителей «Нартиады» и характером использования *loci communes* в текстах. В результате сформулирована гипотеза о зависимости употребления «общих мест», их частотности в повествовании, об актуальных проблемах народов, о механизмах, обуславливающих восприятие нарративных формант сказаний в качестве условно-эстетических или иллюзорно-реальных. Выдвинуто и аргументировано предположение, что концептуальное содержание эпических произведений решающим образом воздействует на их интерпретацию заложенной в них информации, фиксируется в типологии устойчивых формул и в конечном итоге во многом определяет перцептивное своеобразие сказаний той или иной этнической принадлежности.

Ключевые слова: *формульный, зачин, эпический герой, образ, этнический, фольклор, нартский, нарратив, форманты, интерпретация.*

При сравнении текстов эпического свода «Нарты» в их адыгских, осетинских и карачаево-балкарских версиях выявляется одно интересное обстоятельство – участие «общих мест» в карачаево-балкарских текстах видится резко ограниченным по сравнению с адыгскими, например, аналогами. Все или практически все адыгские сказания начинаются с традиционных и повторяющихся зачинов. В карачаево-балкарских вариантах применение формульного зачина – скорее, необычное явление, а вот его отсутствие вполне типично. Это особенно четко прослеживается в текстах поэтических, которые в карачаево-балкарских вариантах имеют предваряющие *loci communes* менее чем в половине случаев.

Очевидно, что употребление и частотность употребления тех или иных структур в любом тексте детерминируются их назначением в общей семантике произведения. Эпические своды тех народов, у которых главным содержанием сказаний были воинские истории, рассказы о подвигах и схватках, пестрят общими местами, посвященными профессионализму, силе, отваге и хитрости героев. В полной мере реализуя закон «мифического мышления», выведенный Э. Кассирером, согласно которому сходство выступает как выражение идентичности, характеристики персонажей, разделенных тысячами километров и сотнями лет, воплощаются в одинаковые качества, проявленные в тождестве описаний – например, мощь героя, проявленная в прогибании спины потенциального скакуна, является общим местом монгольских, тюркских, славянских, армянских, персидских эпических сказаний [1].

«Общие места» вступлений и зачинов произведений фольклора большинства народов выстраивают портреты отдельно взятых героев. Более того, возвращаясь к регулярности зачинов подобной формы в адыгских вариантах «Нартиады», мы понимаем, что при зафиксированной разнице во внешности героев, суть их не меняется – все адыгские эпические герои представляют собой воплощения традиционного эталона воина [2, с. 28].

Можно ли полную идентичность конкретных фольклорных формул, дающих портреты героев, считать результатом миграции архетипов, или это результат типологического и функционального сходства образов – не суть важно. Главное то, что основным концептуальным содержанием эпических сводов большинства народов является проблема личности, отдельно взятого человека, то есть вполне «компактного» и обозримого объекта, что и приводит к развитию различных формульных описаний – от его внешности до родословной.

Но в карачаево-балкарских сказаниях «общие места» имеют несколько другой вид. Устанавливая их функциональную роль, Т. М. Хаджиева зафиксировала главную особенность формульных представлений национальной версии «Нартиады» – отсутствие акцента на отдельно взятую личность [3].

Карачаево-балкарский нартский эпос в этом смысле не уникален – древнеисландские саги, посвященные колонизации Америки, основным действующим лицом имеют группы викингов и даже членов их семей, многие истории из «Джангара», завязывающиеся вокруг одного богатыря, переходят затем к массовым сражениям, аналогичным характером обладают многие тексты «Шахнаме» и

«Илиады», и относительно некоторых западноевропейских эпических систем отмечается их преимущественно коллективная коллизийность [4].

Создается впечатление, что причины неодинакового участия *loci communes* в эпическом нарративе различных версий нартского свода коренятся в концептуальной и онтологической специфичности национальных преданий. Характеризуя морально-эстетическое содержание фольклорных представлений адыгов, Ю. Тхагазитов пишет об индивидуализме адыгского героя и роковой предопределенности его одиночества [5]. В работах, посвященных осетинскому эпосу, отмечается, что сказания избегают констатаций этнической солидарности, а межродовые распри отмечены исключительной агрессивностью [6].

Сюжеты балкарских и карачаевских же сказаний концентрируются вокруг идеи этнического единства. Враги нарттов – всегда внешние, не являющиеся членами эпического сообщества. Редкие исключения при ближайшем рассмотрении таковыми не оказываются: основной заговорщик и подстрекатель к убийству Ёрюзмека – Жанпараз (Жантараз) – не кто иной, как сын главного угнетателя нартского племени – Фука, принадлежность же последнего не только к нарттам, но и вообще биологическому виду *homo sapiens* достаточно сомнительна.

Именно ориентация повествования на представление коллективно переживаемых коллизий или их индивидуальное прохождение определяет частотность и метод использования устойчивых формул в различных национальных версиях эпоса. Дело здесь не только в диктуемой здравым смыслом трудности акцентированного описания отдельной личности в составе отряда, войска или народа, хотя, конечно, нарративные проблемы подобного рода также имеют место быть.

Главной причиной разнохарактерного отражения положительных-отрицательных героев в национальных сводах нартского эпоса можно считать разницу в их идеологии и проблематике. Для балкарцев и карачаевцев жизненно важным было установление и утверждение системы внутриэтнического общения, построенного на примате консенсуального взаимодействия, говоря проще – системы этнической солидарности, общности, ценность которой превосходила бы все остальные институты, в первую очередь – родоплеменного происхождения [7, с. 110]. Проводя четкую грань между народами, проживающими в равнинной местности, и горами, значимость лояльных взаимоотношений в замкнутых пространствах констатирует и Г. Гачев [8, с. 247].

Проблема этнического единения, будучи самой насущной и важной проблемой национального мировоззрения, оставалась такой для балкарцев и ка-

рачаевцев все время их проживания в горах, т. е. на протяжении всей истории этих народов, и уж во всяком случае вплоть до формирования поздних форм фольклора. Переживаемая в историческом настоящем, актуализированная в повседневной жизни нации, она выводила соответствующие перипетии нартского эпоса из сферы эстетической условности, приводя к восприятию эпических сюжетов – той их части, которая непосредственно фиксировала тему этнической солидарности в качестве реальности.

Адыгские сказания зиждятся на внутриэтническом противостоянии, и феодальный характер дошедших до нас эпических текстов подтвержден не только их содержанием, но и опытом их обращения в этнической среде [9, с. 16–17]. Речь идет о многовековом обращении эпических – в том числе и самых архаичных – текстов в сословно-профессиональной среде сказителей, существовавшей у адыгов и их непосредственных предков. Эстетический характер представления Сосруко, Бадыноко, Батраза, всех других не подлежит сомнению именно в эпических текстах.

Институт певцов-сказителей у балкарцев не имел сословной локализации. Исполнители и мастера экспромта – жырчи были любителями, и межпоколенный транзит эпических сказаний проходил в общем этническом объеме показательно, что С.-А. Урусбиев, писавший о режиме оборота эпоса, упоминает в качестве профессионалов лишь кабардинских джегуако [10, с. 602]. Х. Х. Малкондоев также неоднократно констатирует демократический характер песнетворчества и бытования текстов в балкарской национальной среде [11, с. 11–19].

Таким образом, выделяя несколько нарративных секторов из общего объема эпических текстов балкарско-карачаевского и адыгского вариантов нартского эпоса, можно отметить, что в процессе восприятия их коллективным сознанием происходила их селекция – часть типологических повествовательных формант соотносилась с реальным настоящим народа, часть осмысливалась как давно прошедшее, иллюзорное и эстетически интерпретированное. В контекст реальной проблематики карачаево-балкарцев входили все компоненты, относящиеся к идее этнической консолидации: большинство центральных героев эпоса, монолитные группы героев и образ народа в целом, соответственно иллюзорными осмысливались образы врагов и событийная составляющая сюжетов.

Для адыгов реальностью были автономные герои – как носители концепта феодальной распри и внешние враги, однако сословный характер оборота сказаний привел к осознанной «эстетизации» позитивных персонажей. Решающим в этом про-

цессе был механизм интерпретации эпической информации профессиональными исполнителями, стремившимися к гипертрофизации описательных представлений и созданию обширных устойчивых идеоматических оборотов [12, с. 56–57].

В конечном итоге особенности рефлексивных моделей в балкаро-карачаевских сказаниях реализовались не только на уровне конструкции нарратива, но и в их перцептивной институции. Сравнительно наиболее стабильные образцы сквозных презентаций в различных национальных версиях эпоса, приходим к однозначным выводам:

...Ёрюзбек – нартский уздень,
Он много трудностей испытал, ой, испытал,
Он мудрым был, ой, мудрым был.
А брови его – густые и лохматые,

На нем волчья шуба нараспашку, ой, нараспашку... [13] – суггестивная достоверность характеристик героя очевидна. Прямая номинация открывает перечень его черт, затем следуют обобщенные признаки его личностной состоятельности, однако понятийные определения подкреплены эмоциональным акцентом, данным в виде обрамленного междометием модалного рефрена, – «ой, испытал, ой, мудрый». В следующих строках облик Ёрезмека подтверждается «пластической» деталью («брови густые и лохматые»), ставящей портрет героя в положение реального и зримого объекта. Симптоматично, что такой объект, как волчья шуба, – вполне осязаемый и фактурный, с точки зрения перцептивного ресурса, казалось бы, равный «бровям» – в тексте поддерживается таким же междометным повтором, как и обобщенные определения первых строк. Дело в том, что в восприятии балкарцев и карачаевцев «волчья шуба» является объектом с богатейшим и весьма древним культурным ореолом, адресующим воспринимающего к общетюркскому культу волка. Излишняя культурная семантика объекта, его условно-ассоциативная интерпретация «снимается» эмотивным давлением, создаваемым рефреном.

Универсальных характеристик подобного типа адыгская эпическая традиция попросту не знает. Атрибутивные универсалии адыгских героев базируются на сугубо условных, конвенциональных формулах, связи которых с реальным миром приходится специально расшифровывать, а их искусственный, подчеркнuto эстетизированный характер разительно отличается от карачаево-балкарских аналогов – даже в тех случаях, когда мы имеем описание одного и того же героя:

Саусарук, мой кан,
Саусарук, мой свет.

Чья броня – пика и светлый щит,
Верх чьего шлема – из ольхи,
Чей меч сам взлетает,
Рукоять чьего меча

Держит наш покровитель Тлепш [14] – однозначно идеоматический характер перечисляемых черт Сосуруко в данном случае очевиден. Единственная деталь, претендующая на соответствие, – «верх шлема из ольхи» по здравому размышлению таковой быть не может и наверняка представляет собой осколок какого-то древнего сакрального комплекса, связанного с ольхой.

Следующий пример:
Сосуруко – наш кан,
Сосуруко – наш свет,
У кого щит золотоцветный,
Чья рубашка – кольчуга,

Верх шапки – солнце... [15] – никаких реальных деталей в облик Сосуруко не добавляет, более того, полностью выводит героя из сферы реальности, не оставляя в его образе ни одной суггестивно убедительной черты. Смысл определений, сопровождающих героя, понятен, однако понятен на том уровне, который не предполагает сенсорной, осязательной, любой другой информации, поступающей от органов чувств.

Описание этого же героя в карачаево-балкарском сказании:

...Сосурук за девять дней выросал настолько,
Насколько другие вырастают за девять месяцев.

Он был так силен, что плел плетни из железных ломов.

Из железных листов чабыры сделав, надевал.

Он был умней и сильнее других нарттов [16] – традиционные условные формулы представления героя, как можно видеть, аргументируются апелляциями к сенсорной конкретике, что очевидно повышает чувственную убедительность героя и его необычные качества. Образная презентация не выходит за рамки эпической условности в смысле реальности описываемого, однако предполагает некую физическую наполненность ощущений слушателей. Подчеркнем, что все образчики «общих мест» карачаево-балкарского фольклора отмечены подобным суггестивным качеством. Разница между типами выразительности национальных версий в данной сфере является системной и регулярной – единственным исключением в ряду карачаево-балкарских сказаний можно считать «Песню в честь Сосурука», но это величальное произведение, созданное неизвестными авторами в соответствии с требованиями жанра.

Список литературы

1. Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen*. Teil 2: Das mythische Denken. Berlin, 1925. 51 p.
2. Борова А. Р. Эстетические архетипы адыгской поэзии: генезис и межкультурный обмен. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2015. 206 с.
3. Хаджиева Т. М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев*. М.: Наука, 1994. С. 51–53.
4. Плавский З. И. *Литература Испании IX–XV веков*. М.: Высшая школа, 1986. С. 36.
5. Тхагазитов Ю. М. Жизнь и судьба Али Шогенцукова. Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр РАН, 2005. 310 с.
6. Бязыров А. Х. К вопросу о круге осетинских сказаний // *Сказания о нартах – эпос народов Кавказа*. М.: Наука, 1969. С. 451–455.
7. Кучукова З. А. Онтологический метод как ядро этнопоэтики. Нальчик: М. и В. Котляровых, 2005. 311 с.
8. Гачев. Г. Д. *Ментальности народов мира*. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
9. Налоев З. М. *Институт джегуако*. Нальчик: Тетраграф, 2011. 408 с.
10. Урусбиев С.-А. Сказания у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев*. М.: Наука, 1994. С. 599–605.
11. Малкондуев Х. Х. *Поэтика карачаево-балкарской народной лирики*. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 234 с.
12. Толгуров Т. З. Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 284 с.
13. Ёрюзмек убивает Рыжего Фука // *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев*. М.: Наука, 1994. С. 310–321.
14. Пшинатль о Саусаруке // *Нарты. Адыгский героический эпос*. М.: Наука, 1974. С. 211–219.
15. Сказание о Сосруке и Тотреше // *Нарты. Адыгский героический эпос*. М.: Наука, 1974. С. 210–214.
16. Рождение Сосурука // *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев*. М.: Наука, 1994. С. 363–369.

Бауаев К. К., кандидат филологических наук, доцент

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова.

Ул. Чернышевского, 173, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия, 361004.

E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

Материал поступил в редакцию 04.07.2015.

К. К. Бауаев

EXPRESSIVE SPECIFICS OF NATIONAL EPIC SYSTEMS

The article considers some points of originality of expressive means of the all-Caucasian epos «Sledge» in its various national versions. States the connection between ideological ontology of the epic arches, realities of the historical past of ethnoses-carriers of «Nartiada» and nature of use of loci communes in the texts. Formulates the hypothesis of dependence of the use of «platitudes», their rates in the narration about actual problems of the peoples, about the mechanisms determining the perception of the narrative formants of the legends as conditionally esthetic or illusory real. Puts forward and gives reasons to the assumption that the conceptual content of the epic works influences in a decisive way their interpretation of the information stored in them, is fixes in the typology of steady formulas and, finally, in many respects defines a perceptual originality of the legends of this or that ethnic origin.

Key words: *formular, beginning, epic hero, image, ethnic, folklore, nart, narrative, formants, interpretation.*

References

1. Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen*. Teil 2: Das mythische Denken. Berlin, 1925. 51 p.
2. Borova A. R. *Esteticheskiye arkhetypy adygsКОЙ poezii: genezis i mezhkul'turnyy obmen* [Esthetic archetypes of the Adyghe poetry: genesis and cross-cultural exchange]. Nal'chik, Kabardino-Balkarskiy institut gumanitarnykh issledovaniy Publ., 2015. 206 p. (in Russian).
3. Khadzheva T. M. *Nartskiy epos balkartsev i karachaevtsev* [Nart epos of Balkars and Karachays]. *Narty. Geroicheskiy epos balkartsev i karachaevtsev* [Narts. Heroic epos of Balkars and Karachays]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Pp. 51–53 (in Russian).
4. Plavskiy Z. I. *Literatura Ispanii IX–XV vekov* [Literatura of Spain IX–XV centuries]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 36 p. (in Russian).
5. Tkhaqazitov Yu. M. *Zhizn' i sud'ba Ali Shogentsukova* [Life and destiny of Ali Shogentsukov]. Nal'chik, Kabardino-Balkarskiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2005. 310 p. (in Russian).
6. Byazyrov A. Kh. *K voprosu o krugе osetinskiх skazaniy* [To a question of a circle of the Ossetian legends]. *Skazaniya o nartakh – epos narodov Kavkaza* [Tales of the Narts - epos of the Caucasian peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1969. Pp. 451–455 (in Russian).

7. Kuchukova Z. A. *Ontologicheskiy metod kak yadro etnopoetiki* [Ontological method as ethno-poetics kernel]. Nal'chik, M. i V. Kotlyarovykh Publ., 2005. 311 p. (in Russian).
8. Gachev G. D. *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of the peoples of the world]. Moscow, Algoritm, Eksmo Publ., 2008. 544 p. (in Russian).
9. Naloev Z. M. *Institut dzheguako* [Dzheguako institute]. Nal'chik, Tetragraf Publ., 2011. 408 p. (in Russian).
10. Urusbiev S.-A. Skazaniya u tatar-gorcev Pjatigorskogo okruga Terskoj oblasti [Legends at Tatar mountaineers of the Pyatigorsk district of Tersky area]. *Narty. Geroicheskiy epos balkartsev i karachaevtsev* [[Narts. Heroic epos of Balkars and Karachays]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Pp. 599–605 (in Russian).
11. Malkonduev H. H. *Poetika karachaevo-balkarskoy narodnoy liriki* [Poetik of Karachaevo-Balkar national lyrics]. Nalchik, El'-Fa Publ., 2000. 234 p. (in Russian).
12. Tolgurov T. Z. *Evolutsiya tkanevykh obraznykh struktur v novopis'mennykh poeticheskikh sistemakh Severnogo Kavkaza* [Evolution of fabric figurative structures in new written poetic systems of the North Caucasus]. Nalchik, El'-Fa Publ., 2004. 284 p. (in Russian).
13. Yoryuzmek ubivaet Ryzhego Fuka [Yoryuzmek kills Red Fuk]. *Narty. Geroicheskiy epos balkartsev i karachaevtsev* [Narts. Heroic epos of Balkars and Karachays]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Pp. 310–321 (in Russian).
14. Pshinatl' o Sausaruke [Pshinatl about Sausaruk]. *Narty. Adygskiy geroicheskiy epos* [Narts. Heroic epos of Balkars and Karachays]. Moscow, Nauka Publ., 1974. Pp. 211–219 (in Russian).
15. Skazaniye o Sosruko i Totreshe [Legend on Sosruko and Totreshe]. *Narty. Adygskiy geroicheskiy epos* [Narts. Heroic epos of Balkars and Karachays]. Moscow, Nauka Publ., 1974. Pp. 210–214 (in Russian).
16. Rozhdeniye Sosuruka [Sosuruk's birth]. *Narty. Adygskiy geroicheskiy epos* [Narts. Heroic epos of Balkars and Karachays]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Pp. 363–369 (in Russian).

Bauayev K. K.

Kabardino-Balkarian State University.

Ul. Chernyshevskogo, 173, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia, 360004.

E-mail: kazim_bauayev@mail.ru